

1911 2-5

306
1918

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 8

ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажѣ 85 к. и на ст. жел. дор. 90 к.

АПРѢЛЬ 1918

ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНІЕ.

Рис. Ре-ми.

— Видишь ли, мальчикъ, я могу выдать тебѣ эту продовольственную карточку, но при условіи, что твои родители не каледины и не корниловцы. Они не корниловцы?

— Нѣтъ, дяденька... Они—ваганьковцы. Только позавчера на Ваганьковомъ похоронены.

НИКЧЕМНОЕ.

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ЗНАЧЕКЪ.

Въ бѣломъ ромбѣ синій—крестикъ,
Гость затрепанныхъ петлицъ,
Мы съ тобой терпѣли вмѣстѣ
И ловили райскихъ птицъ.

Ты изъ книгъ чудесныхъ вышелъ,
Скромникъ юноша-значекъ,
Одиночество подъ крышей
Убаюкавъ какъ сверчокъ.

Грудью впалой, грудью узкой
Ты странѣ помогъ идти,
Это ты съ душою русской
Исходилъ давно пути.

А теперь въ судьбѣ—прорѣха.
Спи въ шкапу, я не грущу—
Безъ тебя крупинки смѣха
На панели отыщу.

II.

ГОСПОЖА НАУКА.

Я узнавалъ ее повсюду
По легкой блѣдности лица.
Жила Умомъ, не вѣря чуду,
Фонарь поставивъ у крыльца...

Я встрѣтилъ горестно въ столицѣ
Ее, закутанную въ крепь,
И вдовьи дрогнули рѣсницы...

Но взглядъ блуждающій былъ слѣпъ.
Лотокъ подперши толстой палкой,
Подъ аркой стоя на краю,
Съ улыбкой предлагала жалкой
„Зефиръ“ трехсотый и „Ю Ю“...

Александръ Флитъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ БЕСѢДА.

Когда всѣ уютно усѣлись въ гостиной, хозяинъ, мужчина пожилой и ограбленный, успокаивающимъ голосомъ предложилъ:

— Господа—только не о политикѣ и злобѣ дня... Давайте лучше поговоримъ о литературѣ... Въ наши дни

такъ пріятно отдохнуть на мирномъ творествѣ, на манускриптѣ, на книгѣ...

— Я недавно отдохнулъ на книгѣ—поддержалъ одинъ изъ гостей—за энциклопедическій словарь съ меня взяли семьсотъ рублей...

— Вольно вамъ лѣзть за словарями—обидѣлась пожилая дама—купите Пушкина хоть, что-ли... Изъ-подъ полы можно еще достать популярное изданіе „Капитанской Дочки“ рублей за тридцать...

— Кстати о творествѣ великаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина—вмѣшался старый профессоръ—до чиста ограбили его имѣніе?

— Вы сгущаете краски—отозвался молодой литераторъ—потомъ нельзя быть такимъ безграмотнымъ въ литературѣ: до чиста разгромили не Пушкинское имѣніе, а Тургенева. Въ Пушкинской усадьбѣ остался колодець и кусокъ брезента, забытый впопыхахъ...

— Да, вѣрно сказано: братья писатели въ вашей судьбѣ что-то лежатъ роковое. Имѣніе Толстого кажется тоже разграблено.

— Да, не повезло классикамъ. Къ слову—о современникахъ. Недавно я перечитала кое-какія его рассказы Короленко. Очень интересно. Кажется Короленко взять заложникомъ гдѣ-то въ Полтавѣ? Я уже давно не читала литературной хроники въ газетахъ...

— Это-же совсѣмъ недавно. Почти ровно черезъ два мѣсяца, послѣ того какъ Горькаго ранили въ шею на улицѣ...

— Нѣтъ, вы слабо разбираетесь въ новыхъ теченіяхъ и все путаете. Горькаго ранили вскорѣ послѣ того, какъ разстрѣляли въ деревнѣ писателя толстовца Семенова.

— Ничего не понимаю... Въ концѣ концовъ это было раньше того, когда наслѣдники писателей были лишены авторскихъ правъ, или позже?

— Конечно раньше. Это было спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ перестало выходить большинство ежедневныхъ и ежемѣсячныхъ изданій.

— Ахъ да, да, теперь припоминаю. Это было кажется почти одновременно...

Хозяинъ, ласково улыбаясь сидѣлъ въ уголкѣ и, радушно кивая головой, шепталъ сосѣду:

— Вы знаете, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ, такъ пріятно отдохнуть на отвлеченномъ литературномъ разговорѣ, такъ пріятно отдать дань чему-то большому, независимому отъ жизни, творческому... Я вотъ лично думаю, что у меня налета до слѣдующаго четверга не будетъ и уже началъ обзаводиться библіотеккой... Удивительно нынче вздорожали книги.

Гость несочувственно пожалъ плечами. У него была только одна книга, но и она безконечно пала въ цѣнѣ. Это была книга чековъ.

Ферм. Харибдовъ.

НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

(Лочти отчетъ).

Въ центрѣ города въ большемъ, роскошномъ, реквизированномъ особнякѣ, украшенномъ флагами и плакатами помѣстился пролетарскій университетъ. Слушателей было много, лекторовъ тоже не мало.

Когда курсы открылись, первая лекція была прочитана по исторіи русской литературы. На кафедре взошелъ лекторъ, откашлялся и началъ:

— Товарищи! До сихъ поръ крупная и средняя буржуазія монополизировала литературу. Она нанимала буржуазныхъ писателей, которые сочиняли имъ романы, стихотворенія и повѣсти. Но самое главное,—буржуазія располагала критиками и скрывала истинный смыслъ литературныхъ произведеній отъ народа. Моя задача—объяснить вамъ истинное значеніе наиболѣе крупныхъ литературныхъ произведеній, выявить тотъ смыслъ, который буржуазія совмѣстно съ самодержавіемъ скрывала отъ бѣднѣйшаго народа. Я остановлюсь прежде всего на извѣстной комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Знаете ли вы истинный ея смыслъ? Нѣтъ, вы не знаете. Буржуазные критики въ союзѣ съ западно-европейскимъ империализмомъ долгое время скрывали отъ васъ прекрасное значеніе этой народной, глубоко пролетарской комедіи.

— Дѣйствіе „Горе отъ ума“ происходитъ въ Москвѣ. Имѣйте это въ виду въ связи съ нынѣшнимъ мѣстопробываніемъ совѣта народныхъ комиссаровъ. Представитель крупной буржуазіи Фамусовъ, и соглашатель—меньшевикъ Молчалинъ, вмѣстѣ съ руководителемъ калединскихъ бандъ Скалозубомъ, рисуютъ характеристику подлой буржуазіи. Дочь Фамусова Софья несомнѣнно сбита съ толку эсэровской пропагандой, при помощи деклассированной пролетарки Лизы. Чацкій же является убѣжденнымъ сторонникомъ диктатуры пролетаріата. Рискаю собственной жизнью и личнымъ счастьемъ, товарищъ Чацкій смѣло обличаетъ империалистическіе замыслы нашихъ коварныхъ союзниковъ, въ своемъ знаменитомъ монолѣгѣ „французикъ изъ Бордо“.

Подъ непосредственнымъ благотворнымъ вліяніемъ тов. Штейнберга, Чацкій отрицательно относится къ буржуазной юстиціи и громко заявляетъ „а судьи кто?“

Пристрастная буржуазная критика при помощи уличной бульварной печати неоднократно пыталась скомпрометировать товарища Репетилова. На самомъ же дѣлѣ, это—прекрасный работникъ, поддерживающій связи съ анархической американской эмиграціей („въ Аляску сосланъ былъ, вернулся алеутомъ“), человекъ энергичный, крупный партійный работникъ и дѣятель профессиональныхъ союзовъ. Репетиловъ ведетъ пропаганду, организовываетъ пролетаріатъ, и, какъ всякій другъ народа, подвергается безчисленнымъ нападкамаъ желтой вечерней печати..

Товарищъ Чацкій вступаетъ въ борьбу съ контръ-революціонными элементами, съ соглашателемъ—меньшевикомъ Молчалинымъ и, не находя поддержки въ буржуазной средѣ, покидаетъ домъ Фамусова. Послѣднія его слова „карету мнѣ, карету“ слѣдуетъ понимать, какъ обращеніе въ районный совѣтъ съ просьбой о реквизиціи буржуазныхъ экипажей. Теперь вы, надѣюсь, уснили истинный смыслъ этого великаго литературнаго произведенія.

* * *

Другой лекторъ читалъ о западной литературѣ.

— Товарищи! Я скажу сегодня о знаменитой драмѣ Шиллера „Коварство и любовь“. Героємъ этой драмы является представитель лѣваго крыла германской социаль-демократіи. Онъ возмущенъ захватной политикой правящихъ круговъ, возмущенъ продолженіемъ кровавой бойни и отправкой солдатъ на фронтъ; онъ ведетъ пропаганду за „миръ во что бы то ни стало“.

Но противъ него выступаютъ сильные противники, и въ особенности представитель центра рейхстага національ-либераль Вурмъ. Впрочемъ финаль драмы не соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей. Германскій

пролетаріатъ все равно черезъ три недѣли возстанетъ и свергнетъ кроваваго Вильгельма. Товарищи, я предлагаю пропѣть интернаціональ.

Всѣ встаютъ и поютъ.

Слѣдующая лекція была посвящена русской исторіи.

— Дорогие товарищи! Сегодня мы познакомимся съ рудиментами русскаго саботажа. Происхожденіе саботажа въ Россіи относится ко времени Петра. Предпринявъ рядъ реформъ, направленныхъ противъ помѣщиковъ и буржуазіи, Петръ главное свое вниманіе направилъ на борьбу съ длинными бородами. Но контръ-революціонные помѣщики, поддерживаемые соглашателями, упрямо держались за свои старыя привилегіи и ни за что не хотѣли разстаться съ бородой. Петръ издалъ декретъ,—и хотя у него не было такихъ энергичныхъ помощниковъ, какъ Файерманъ и Казанцевъ,—бороды были уничтожены.

* * *

Четвертая лекція была посвящена исторіи философіи. Излагать ее не стоитъ. Богъ съ ней, съ этой самой философіей! Вѣдь еще въ старину говорили—„Сначала жить, а потомъ философствовать“. Не ровень часть, обидится какойнибудь пролетарскій философъ,—а вѣдь всѣ мы подъ самосудомъ ходимъ.

Испытывая пламенное желаніе жить, и не чувствуя никакого аппетита къ прямому сообщенію съ загробнымъ міромъ, я, нижеподписавшійся, ставлю точку.

Бор. Мирскій.

Ф Л Ю С Ъ.

Весна и флюсь—родныя сестры,
И дружатъ цѣлые вѣка:
Весеній день—гульливый, пестрый—
И—ватой скрытая щека...

Кругомъ весна лепечеть звонко
О лучшихъ прелестяхъ поры,
Изъ-подъ платка-жъ—торчитъ клеенка,
И—ѣдокъ запахъ камфоры!..

Когда умчалась, надъ странюю,
Самодержавія зима,
И „власть совѣтская“—весною
На насъ повѣяла сама,

То,—дань отдавъ свободы плюсамъ,
О вольныхъ дняхъ забывъ тоску,—
Россія заболѣла флюсомъ
И скрыла ватую щеку...

Вокругъ хоть радостно и ново,
И—вѣтеръ стихъ и—снѣгъ исчезъ,—
Поверхъ кокошника цвѣтного,
Все-жъ,—согрѣвающій компрессъ!..

Весною, флюсь,—въ твоей мы власти!
И, флюса боль испивъ до дна,
Мы лишь „поправились“—отчасти:
У насъ полна—щека одна!..

Какой ехилный Мефистофель
Карриатурой сдѣлалъ насъ?—
Мы всѣ свободны—только въ профиль,
Но подневольны мы—въ амфасъ!..

На тризнѣ-ли, на катастрофѣ-ль
Пуститься время въ бурный плясъ?—
Вѣдь, „гражданинъ свободный“—въ профиль,—
Лишь „вѣрно-подданный“—въ амфасъ!..

И не одинъ, обозрѣвая
Россію въ профиль, молвилъ:—
„Мм-да-съ!

Совсѣмъ „коммуна трудовая“,
Зато—„четвертый вѣкъ“—въ ам-
фасъ!..“

И пусть „весна“ на русскомъ
тронѣ,—

Я въ счастья жить не тороплюсь:
Ахъ, счастье то—односто-

ронне,
Какъ даръ весны—жестокій флюсь!..

Михаилъ Пустынинъ.

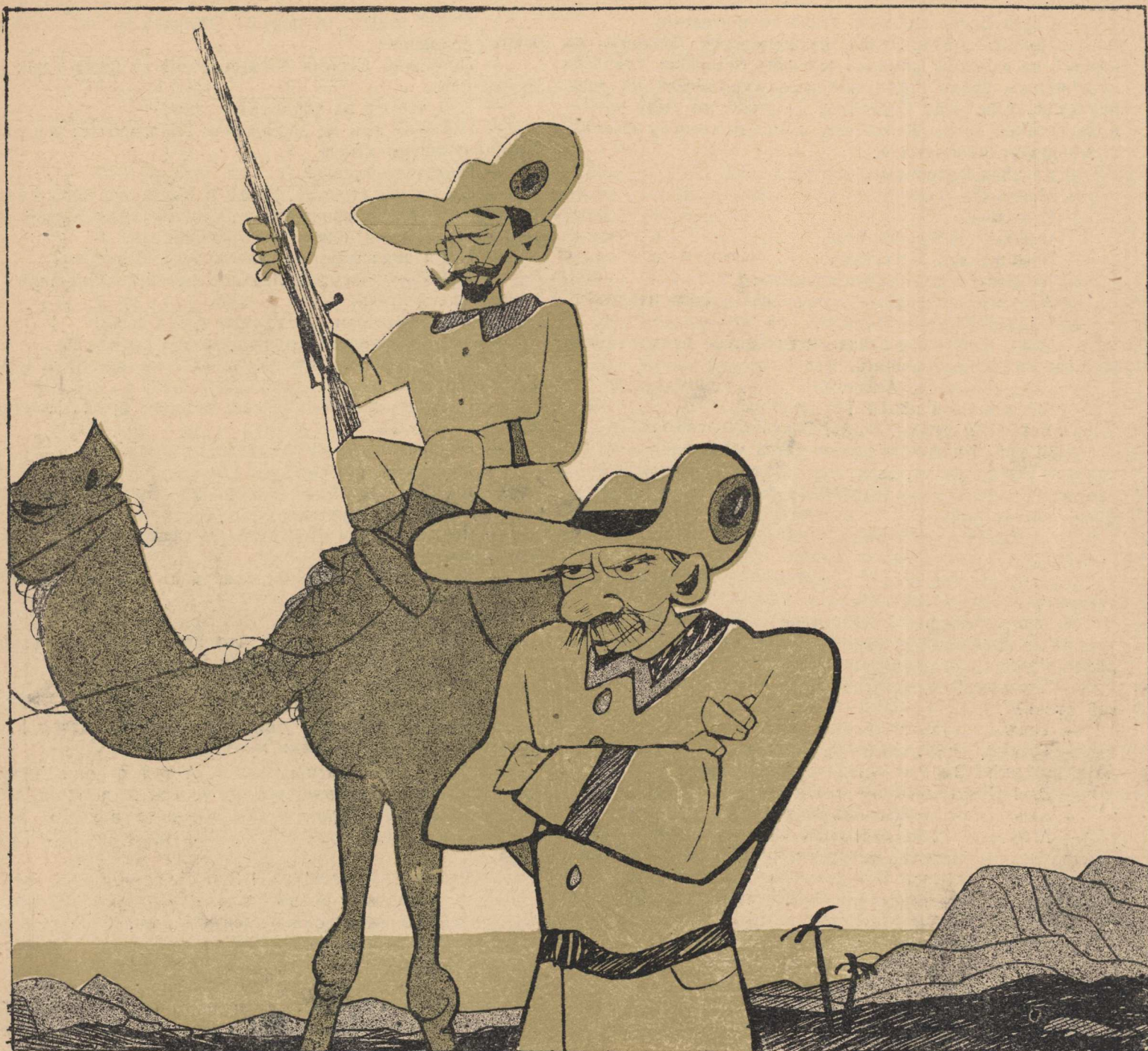
Рис. Д. Митрохина.

— „Пора наконецъ, заполнить эту пропасть, которая раздѣляетъ въ настоящій моментъ массы отъ интеллигенціи“.

Изъ рѣчи А. В. Луначарскаго

Колоніальный нѣмецъ. — Ни одного негра! Конечъ нашимъ колоніямъ... Кого теперь культивировать будемъ?
— Пустяки. Перейдемъ на бѣлое мясо. Еще русскіе остались.

ЧЕЛОВѢКЪ! БУТЫЛКУ СЕЛЬТЕРСКОЙ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Вы, пьяницы, гуляки, алкаголики—помните?

Вы, русскіе забубенные головушки—знаете вы это ужасное тягостное ощущеніе, когда просыпаешься гдѣ-то въ незнакомомъ номерѣ гостинницы—одна нога въ ботинкѣ, другая босая, волосы въ пуху, голова разваливается отъ боли, а кривое зеркало надъ кроватью кажетъ огромнѣйшій кровоподтекъ между ухомъ и глазомъ:

— Ф-фу!..

Дрожащая рука тянется къ звонку.

— Что прикажете?

— Человѣкъ! Бутылку сельтерской!

Жадно глотаете вы распухшимъ горломъ шипящую влагу, и въ антрактахъ между глотками приступаете къ осторожнымъ разспросамъ:

— А что, братецъ... Что у васъ въ гостинницѣ все вообще... благополучно?

— Ничего себѣ.

— А гостинница-то... эта самая... Какъ называется?

— Помилуйте, Грандъ-Отель-съ!

— Оказіонъ! Чистѣйшей воды оказіонъ! Да какъ-же я это въ Грандъ-Отель попаль. Вѣдь я въ „Ниццѣ“ былъ?!

— Въ „Ниццѣ“ точно не знаю—были-ли, но, однако, привезли вы кучера изъ „Бристоля“.

— То есть, кучеръ меня привезъ?..

— Никакъ нѣтъ—вы кучера. Онъ на пассажирскомъ мѣстѣ, а вы замѣстъ него, на козлахъ. Взамѣнъ-же кнута лошадей саблей-съ погоняли. Хи-хи-съ.

— Са-аблей? Да откуда-же у меня, мать честная, сабля оказалась?

— Такъ что, говорятъ, у одного офицера изъ ноженъ вытащили и убѣгли.

— Да что ты говоришь? А къ вамъ мы зачѣмъ-же пожаловали?

— На предметъ вскрытія товарища.

— Вскры-ті-я?!

— Да-съ. Одинъ куплетистъ тутъ за сто цѣлковыхъ подрядился вскрыться. Ну вы его и вскрывали. Положили на столъ въ седьмомъ кабинетѣ, да ростбифнымъ ножомъ по животу—чирикъ!

— Ф-фу-у... Чего-жъ не отняли, дурачье?

— Отнимали-съ. Метрдотелю, Ивану Парамончу, полъ уха отхватили, иначе куплетиста выпростали.

— Слава Богу, что хоть этимъ-то кончилось.
 — Никакъ нѣтъ. Этимъ не кончилось. Соловья въ каминѣ на дамской шпилькѣ жарили, отварную стерлядь кольчикомъ, вродѣ будто змѣбинаго укротителя на шею надѣвали, буфетчицу Сердюкову на лентѣ по залу водили и по собачьи лаять заставляли, а опосля того вы въ акваріумѣ нимфу изображали.
 — Да вѣдь мокро тамъ!
 — Мокро-съ.
 — И холодно.
 — Оченно. Проточная вода.
 — Чего-жь это я полѣзъ?
 — Не могу знать. Мечтательность.
 — А отварную стерлядь, говоришь, на шею надѣлъ?
 — Кольчикомъ она была.
 — Тамъ кольчикомъ или мольчикомъ—это неважно, но вѣдь на ней соусъ былъ.
 — Соусъ были-съ. Америкенъ.
 — Зачѣмъ-же я надѣлъ?
 — Устали, я думаю, очень. Опять же—самолюбіе.
 — Ф-фу!.. Ничего не помню. Вотъ убей меня, на что соловей птичка деликатная, а и соловья на шпилькѣ не помню. Горитъ у меня внутрѣ, оф-фиціантушка! Еще сифонъ сельтерской.

* * *

Сейчасъ русскій человѣкъ еще спитъ... Спитъ горемыка, тяжкимъ похмельнымъ сномъ.
 Но скоро откроетъ заплывшіе глаза, потянется и, узрѣвъ въ кривомъ зеркалѣ мятое, заспанное, распухшее лицо—истощнымъ голосомъ заоретъ:
 — Человѣкъ! Бутылку сельтерской! послушай, братецъ, гдѣ это я?
 — Такъ что—въ Московіи.
 — То есть какъ такъ—въ Московіи? Чго это за отвѣтъ дурацкій! Въ Россіи, ты хочешь сказать.
 — Эва! Схватились тю-тю Россія.
 — Ахъ ты, мать честная. Да какъ же это вышло?
 — А вышло съ похмельнаго дѣла вещь неподобная. Спервоначалу, значить, по хорошему съ красными знаменами въ февралѣ на улицу вышли, а потомъ, когда въ почтеніе вошли—давай этими знаменами кого ни попада по мордасамъ дубасить.
 — Это за что же?
 — А такъ просто, отъ хорошей погоды.

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА.

Рис. Б. Антоновскаго.

— Что даль за пальто-то?
 — Пустяки. Прикладомъ по головѣ, кулакомъ въ спину.

— Ф-фу! ничего не помню. Нѣмцевъ-то, по крайней мѣрѣ, побѣдили?
 — Побѣдили. Своими боками. Миръ съ ними Караханъ заключилъ.
 — Это что-же за дипломатъ такой?
 — Никакой онъ не дипломатъ. Такъ просто: человѣкъ Божій, обшитый кожей.
 — Генераль, что ли?
 — Съ другой стороны. Гоффе и Караханъ миръ подмахивали, кто-то ратифицировалъ, кто-то что-то лишнее аннексировалъ, ну и пошло тутъ разное.
 — Ну, а дипломаты русскіе что-же смотрѣли?
 — Имъ было некогда. Ледъ съ панелей скальввали. По вашему-же декрету.
 — А скальватели гдѣ въ это время были?
 — А скальватели въ красной арміи работали.
 — Какая красная армія?! А гдѣ же прежняя армія? Гдѣ солдаты?
 — Прежніе солдаты теперь красной арміей командуютъ.
 — Оказія! А что-же генералы дѣлаютъ?
 — Газеты продаютъ.
 — Да вѣдь это дѣло газетчиковъ! Куда же они подѣвались, газетчики эти самые?
 — Лекціи въ университетахъ читаютъ. Вы же сами и назначили.
 — Да что-жь газетчикъ можетъ въ медицинѣ понять? Ну, ты самъ посуди.
 — Не могу знать.
 — Ф-фу! Ну слава Богу, что хоть война кончилась...
 — Никакъ нѣтъ. Только начинается.
 — Съ кѣмъ?!
 — Такъ что—съ нѣмцами.
 — Постой, братецъ мой, ты говоришь вздоръ! Съ нѣмцами вѣдь я подписалъ миръ.
 — Это точно—распорядились. А только они Украину сюда такъ ловко втемяшили что теперь и съ тѣми и съ другими воюемъ. Дѣло, если изволите помнить началось съ того, что когда вы вступили въ войну съ Румыніей...
 — Да нешто я вступалъ?! Это съ союзниками-то?
 — А тогда были вы въ такомъ восторгѣ, что—союзникъ не союзникъ—всѣхъ лупи по шеѣ. Съ румынами, значить навоевались,—вступили въ войну съ Украиной...
 — Изъ за чего?
 — Такъ что раньше вы объявили: „право націй на самоопредѣленіе, вплоть до полного отдѣленія“, а когда оно и само опредѣлились, да отдѣлились—обидно стало. И пошли воевать. Воевнули, такъ сказать чѣмъ Богъ послалъ.
 — Н-да, накрутилъ дѣловъ. А армія-то какже?
 — Да вы-жь ее демобилизовали... забыли?
 — А съ чѣмъ же я воевалъ!
 — Съ партизанами. Партизанъ мобилизовали.
 — Зачѣмъ же я настоящую армію демобилизовалъ, а партизанскую... тово?
 — Такъ что не могу знать. Объясняли вы такъ, что въ прежней арміи мандатовъ было мало. А въ нынѣшней на одного человѣка по три мандата. Опять же координацій не было.
 — Чего-о?
 — Координацій совдеповъ съ искосолами. Бывало румчеродъ делегируетъ викжель въ искосоля, а наштаверхъ съ центро-главкомъ въ обидѣ на викжедоръ... Штука?
 — Ф-фу... накрутилъ я вижу тутъ превыше головы. Да-кось еще баночку сельтерской.

* * *

Широка, ой какъ широка натура у русскаго человѣка... Разойдется—соловьевъ на шпилькахъ въ каминѣ жарить, стерлядь кольчикомъ вмѣсто галстука носить, а проспится, придетъ въ себя—только ладонями объ полы хлопаетъ.
 — Мать честная, чего жъ я тутъ надрызгалъ?! Да поздно ужъ.
 Вонъ тамъ, въ туманной дали ужъ и счетъ за выпитое, съѣденное и попорченное—несутъ...
 — Видишь?

Аркадій Аверченко.

ЛЮБОВЬ ВЕСЕННЯЯ

Лирический рассказ Арк. Бухова.

Никогда еще мнѣ не приходилось писать красивыхъ стихотвореній въ прозѣ, или тѣхъ особыхъ рассказовъ съ настроеніемъ, въ которыхъ участвуетъ Юноша—непремѣнно съ большой буквы—Дѣвушка, тоже съ большой буквы и гдѣ красивые образы и лирическія отступленія сразу заставляютъ читателя, вѣрить въ мятущуюся, нѣжную и красивую душу автора.

Сейчасъ мнѣ захотѣлось написать такой рассказъ. На улицѣ ласковая тишина—около дома уже отстрѣляли, въ тепломъ весеннемъ воздухѣ вѣетъ эпидемическими заболѣваніями, а впереди загадочныя влекущія къ себѣ дали и всевозможный продовольственный обыскъ. Хуже всего неопредѣленность—какъ сказалъ одинъ молодой волкъ, котораго собирались пристрѣлить. И наоборотъ—вспоминаю я слова одного ирландскаго каторжника, котораго приговорили къ одиннадцати годамъ тюремнаго заключенія:—самое спокойное будущее—когда оно заранѣе извѣстно.

Я и лезлю удобную минуту внутренняго удовлетворенія.

Сіяло весеннее Солнце. По улицѣ шелъ стройный Юноша и бѣлокурая Дѣвушка. Кругомъ царила Весна. Фамилія Юноши была Кануринъ, а Дѣвущку звали Анной Егоровной. Бѣжали Ручьи по улицамъ. Почему очи бѣжали? Куда они бѣжали? Кто Невидимый можетъ отвѣтить—куда можетъ вообще бѣжать ручей, которому нечего дѣлать...

Стройна была походка Юноши. Стройна была походка Дѣвущки. Походка—это было единственное, что имъ оставили родители, но въ бурномъ теченіи Жизни повседневной походкой сытъ не будешь.

Раньше Юноша служилъ дѣлу жизненной Суеты—писалъ книги поэмъ; нынѣ онъ мощнымъ размахомъ юныхъ усилій бѣлыми крыльями развѣивалъ въ людской толпѣ Вѣсти Мира—иначе говоря продавалъ газеты на углу. Дѣвушка помогала свѣтлой работѣ вдохновенной Весны, освобождая отъ зимняго покрова Землю—скальвала ледъ вмѣстѣ съ другими квартирантами.

Юноша любилъ Дѣвущку. Дѣвушка Юношу. Никому отъ этого не было легче.

— Я люблю тебя—вдохновенно прошепталъ Юноша.

— Я люблю тебя—не менѣе вдохновенно сказала Дѣвушка.

Какой-то внутренній голосъ подсказалъ имъ, что они оба правы. Юноша прислушался къ нему. Это оказалось у него урчаломъ въ Желудкѣ отъ голода. Это говорила Природа.

И какъ было не разговаривать ей Великой Владычицѣ, если Юноша зарабатывалъ сто рублей въ мѣсяцъ, а Обѣдъ въ ресторанѣ стоилъ сорокъ рублей да и то безъ хлѣба—великой силы земли.

— Мы скоро повѣнчаемся—прошепталъ Юноша.—Теперь можно вездѣ свершить этотъ красивѣйшій обрядъ. Можно его свершить въ Храмѣ Зимняго Единенія—въ районномъ кооперативѣ, или въ пещерахъ Богини Правосудія—въ подвалѣ подъ камерой бывшаго мирового судьи. Это все равно.

— У насъ будутъ дѣти—съ загадочной улыбкой сказала Дѣвушка.

— Много дѣтей—общающе кинулъ стройный Юноша.

— Каждый ребенокъ—новая продовольственная капточка—съ весенней улыбкой уронила Дѣвушка—Ребенка можно не кормить, они только легче умираютъ отъ этого эти самые ребенки, а въ домовомъ кооперативѣ можно будетъ получать... Ахъ, я люблю дѣтей. Мнѣ хочется отъ тебя Ребенка.

— Маленькаго, тепленькаго, розоваго—кинулъ въ дали свою мечту Юноша.

— Мягкаго, сочнаго—взметнулась душа Дѣвушка.

— И чтобы кожа хрустѣла—нѣжно шепнулъ Юноша—а по бокамъ картофель и сметаны побольше... Какое горе быть бездѣтнымъ...

Они шли. Дѣвушка и Юноша. Юноша и Дѣвушка. Фамилія Юноши была—Кануринъ, Дѣвущку звали Анной Егоровной.

* * *

— Любишь ли ты меня?—спросила Дѣвушка.

— Люблю, счастье мое—вдохновенно отвѣтилъ Юноша—ты моя Весна, ты мое Начало жизни, ты мой свѣтъ Испаніи, моя Принцесса Мечты, ты моя пеклеванная булка, разрѣзанная пополамъ, намазанная сливочнымъ масломъ...

— Остановись, безумецъ...

— Не остановлюсь. Въ мечтахъ я страшенъ. Да, да, намазанная масломъ, съ прослойкой изъ нѣжнаго мягкого сыра... Ты все.

— Чго-бы ты отдалъ за меня?—вдохновенно спросила обореоленная Дѣвушка.

— Жизнь—хитро предложилъ умный Юноша.

— Теперь жизнь—копѣйка—осторожно отвергла Дѣвушка.

— А четыре копѣйки—рубль—мудро добавилъ Юноша.

— А что-бы ты сдѣлалъ для меня, любимый?

— Все. Кромѣ французской булки.

— Куда-бы ты пошелъ для меня, любимый?

— На край свѣта—радостно предложилъ

Юноша.—Лишь-бы свидѣтельство на выѣздъ достать.

— Бросился-бы ты ради меня въ воду?

— Хоть въ сельтерскую—согласился Юноша—хочешь я сейчасъ нырну въ Екатерининскій каналъ?

Геній предвидѣнія осѣнилъ своими крылами голову Дѣвущки.

— Не надо. Тебя вытащутъ, отвезутъ въ больницу, а тамъ тебѣ, о Юноша, дадутъ пообѣдать и ты будешь отлеживаться. Я буду одна бродить въ весеннемъ равнодѣйствіи. Не надо—въ Екатерининскій каналъ.

И они пошли дальше—Юноша и Дѣвушка. Дѣвушка и Юноша. Фамилія его была Кануринъ, а ее звали Анной Егоровной.

* * *

И вотъ умеръ весенній День. Умеръ Вечеръ. Наступила полная чарованій и сладкаго трепета весенняя Ночь. Было одиннадцать часовъ по старому стилю. По новому—тоже. Юноша благородный шелъ туда, куда его звала Любовь и Долгъ Любимой, гдѣ уже давно рѣяли его Надежды и жила его Вѣра въ Счастье—къ одной старой знакомой за крупчаткой.

И не было знакомой и не было крупчатки, а были только четыре незнакомыхъ, остановившихся на пути.

— Юноша, у тебя гибкія формы тѣла—сказалъ одинъ изъ незнакомыхъ.

— Да, отвѣтило Эхо весенней Ночи.

— Будемъ какъ боги—предложилъ другой изъ Незнакомыхъ—скинемъ ветхія одежды, скрывающія наши мускулистые тѣла. Скидавай брюки.

— Да—отвѣтило Эхо весенней Ночи.

— Забудемъ условности—бодро сказалъ третій изъ Незнакомыхъ—не надо канителиться.

А четвертый, съ лицомъ египетскаго мудреца, случайно обросшаго рыжей окладистой бородой, добавилъ грустно и призывающе—какъ будто молодой богъ, обращающійся къ пріясной нимфѣ:

— Заорешь—голову проломлю.

Юноша раздѣлся. Эхо весенней Ночи ничего не отвѣтило. Нѣжно и многозвучно сладостное Эхо весенней Ночи—но и оно много не наговорится при такихъ обстоятельствахъ.

Въ темныя дали, за сосѣдній переулочекъ въ ближайшую чайную, ушли четыре Незнакомыхъ, унося ветхія одежды, Юноши.

Овѣянный весенней печалью возвращался онъ домой.

Въ гости въ такомъ видѣ не пойдешь, даже Весной, дышавъ—сладкими Ароматами земли.

Рис. А. Я.

ПРОЗА ВЪ СТИХОТВОРЕНІИ.

На этихъ дняхъ была разгромлена и сожжена
усадьба Тургенева.

Изъ Газетъ.

Рис. Ре-Ми.

„...Встають передо мной и другіе образы“...

Изъ стихотвореній въ прозѣ И. С. Тургенева.

Романсъ надъ котлетами.

— Были когда то и вы рысаками.

— Ямшикъ не гони лошадей: мнѣ некуда больше спѣшить.

— Ни слова, о другъ мой, ни вздоха—мы будемъ съ тобой молчаливы...

— Туманно, туманно...

Гордый какъ Солнце, безъ ветхихъ одеждъ, въ одномъ ботинкѣ шелъ Юноша дамой и казалось, что это самъ богъ Весны совершалъ свое триумфальное шествіе на великій праздникъ Любви и счастья.

— Хорошо, что объ этомъ не знала Дѣвушка—подумалъ свѣтлый Юноша.

И онъ шелъ въ думахъ о Ней. Она думала о немъ. Фамилія Юноши была—Кануринъ, Дѣвушку звали Анной Егорочной.

Арх. Буховъ.

ПЕТРОГРАДЪ—ПРОВИНЦІЯ.

Изъ записокъ нобаго провинціала

Хожу и читаю по глазамъ и бородамъ,
Внимательно разглядываю встрѣчныя лица:
Должны-же быть перемѣны, ежели провинціальнымъ городомъ

Сдѣлался Петроградъ гордая недавно столица...
И удивляюсь что приходится итти панелями,
Что мостки ноголомы не горбятся вдоль заборовъ,
Что Невскій еще не поросъ молодыми елями,
А подъ нами въ лужѣ не хрюкаетъ боровъ...
Въ гостинномъ дворѣ подъ каменными арками
По моему обязательно должно бѣлье сушиться...
На Фонтанкѣ обязательно баба между барками
Пару ведеръ воды почерпнуть должна рѣшиться...
Невозможно, чтобы на углу Морской улицы
Постоялый дворъ не благоухалъ кислыми щами,
Невозможно, чтобы утки, пѣтухи и курицы
Превосходными не лакомились у крыльца вещами...
Почему черезъ рѣчку Неву грузъ паромъ
Не перетягиваетъ, скрипя смолянымъ канатомъ,
Почему не усыпано бутылками и мусоромъ
По дорожнымъ обочинамъ и прибережнымъ скатамъ...
Коль теченье жизни чиновной нарушено—
Пуская новое лицо глянетъ умильно,
Коль запусъ оно и глушь оно—
Пусть будетъ выдержано и стильно...
Пуская самогонный заставитъ плясать хмѣль
Малокровнаго секретаря изъ земской управы,
Хочу чтобы изъ столицы пріѣхалъ писатель
И прочель-бы критику на современные нравы...
Желаю пополнить свое образование,
Благо времени хватить у холостого—
Вотъ хотѣлъ книжку одну прочесть, да забылъ названіе,
Помню что сочиненіе великаго Льва Ивановича Толстого.
А жизнь впереди провинціальная, косная...
Прозябай на задворкахъ козломъ раскосымъ—
И вѣдь вышло по Пушкину: вдовица порфириносная
Оставила молодую царицу съ большущимъ носомъ...

Вал. Горянскій.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Теоретическая литература о республиканскомъ строѣ обогатилась новымъ вкладомъ, разбирающимъ еще невыясненную форму этого строя. Книга называется: „Вл. Орта. Республика Любви“. Издана въ этомъ году, въ Петроградѣ, сейчасъ-же послѣ этого, изъ опасенія отвѣтственности объявившимъ себя вольнымъ городомъ.

Формы общежитія въ республикѣ Вл. Орта носятъ характеръ общаго подъема жизнеспособности и первый же декретъ предлагаетъ:

Снимите, Юноши, одежды,
Снимите, Дѣвы, ткани всѣ—
Отбросивъ пошлости надежды,
Отдайтесь пьянственной росѣ!

Языкъ автора не менѣ эксцентриченъ и своеобразенъ, чѣмъ его мысли.

Такъ о своихъ намѣреніяхъ въ ближайшемъ будущемъ онъ говоритъ:

Всѣхъ-бы дѣвъ одной любовью
Бовьей
И предѣльной кругъ сомкнуть...

А послѣ оригинальнаго слова „Бовьей“ даже краткое поясненіе:

„Бовьей—отъ *Boa constrictor*—южно-американскій удавъ, самый большой и сильный изъ существующихъ. (Примѣчаніе для недогадливыхъ)“.

Въ слѣдующемъ изданіи вмѣсто бовьей будетъ стоять, во имя обилія непонимающихъ,—коровьей. Рифма еще звучнѣе, а смыслъ одинаковъ. Изъ всѣхъ республиканокъ въ республикѣ Вл. Орта наибольшимъ почетомъ пользуется та, о которой сказано коротко и просто:

Она знаетъ любовный наркозъ
Тридцати восьми знойныхъ заклятій!
Тридцать восемь—восторженныхъ поэмъ,
Тридцать восемь—все новыхъ объятій!..

Повидимому, такая республика будетъ имѣть успѣхъ даже у матерыхъ монархистовъ. Тѣмъ болѣе, что предложеніе снять ткани всѣ при ихъ теперешнемъ учетѣ и дороговизнѣ—не можетъ быть встрѣчено ничѣмъ, кромѣ самага горячаго сочувствія.

* * *

Творчество должно быть интимно. И особенно пріятно отмѣтить въ поэтѣ, когда онъ отдаетъ всѣ силы дарованія не какой-нибудь незнакомой дѣвушкѣ, которая послушаетъ-послушаетъ да выйдетъ замужъ за другого, а законной женѣ. Въ этомъ отношеніи авторъ только-что вышедшаго сборничка „Цвѣты Слова“—Василій Есеновскій стоитъ на заслуженной высотѣ.

Основные мотивы его книжки такіе:

Стихотвореніе—„Милой моей женѣ Надеждѣ Ивановнѣ“.

Что отъ жизни выпилъ, что отъ жизни принялъ—
Въ юношескихъ годахъ въ терніяхъ пути...
Все смѣнилъ на Надею, солнцемъ при долинь,
Согласившись въ жизни крестъ одинъ нести...

Изъ другого стихотворенія подъ такимъ-же названіемъ „Милой моей женѣ Надеждѣ Ивановнѣ“:

Отъ бѣломорскихъ побережий,
Отъ кораблей своихъ флотилій
Въ столицу прибылъ, какъ пріѣзжій
Припомнить ласки Нади милой.
И вотъ вернувшись потому
Въ гнѣздо семьи отъ дней разлуки
Скажу женѣ: съ собой возму
Чтобъ въ жизни не было ей скуки.

А въ качествѣ заключительнаго аккорда—изъ послѣдняго стихотворенія въ книжкѣ:

Шагая походкой упругою,
Гостямъ измѣняю свой путь
Спѣшу повстрѣчаться съ супругою
Чтобъ тѣломъ въ душѣ отдохнуть.

Если такую книжку прочесть вслухъ въ пріемной адвоката по бракоразводнымъ дѣламъ, практика этого несчастнаго человѣка падетъ сразу и посѣтители гурьбой побѣгутъ жениться гдѣ-попало и на комъ попало...

* * *

Красивыя, незабываемыя строки изъ журнала „Весь міръ“:

Молвилъ, видя, отецъ:
„Я не ѣлъ, наконецъ,
„Сутки!
„Что-жъ безъ хлѣба въ семьей—
„Вшестеромъ намъ съ одной
„Утки?“.
Бросилъ утку онъ съ Эмъ
И ушелъ тутъ совсѣмъ—
Съ кухни—
Въ то, что съ буквою Ка,
Вормоча: „безъ пайка—
„Пухни!“.

Ну-что же... Ничего. Пишите дальше. Печатайте. Мы стерпимъ.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ.

Настоятельная потребность придать обычному репертуару эстрады хотя-бы какую-нибудь тѣнь отклика на событія дня заставила насъ пересмотрѣть этотъ репертуаръ и сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія.

Рис. А. Радакова.

— Когда же въ концѣ концовъ проглянетъ ласковое весеннее солнышко и на мѣстѣ ледяныхъ глыбъ потекутъ живые, говорливые ручейки...

— Вы что—весну развѣ такъ любите?

— Нѣтъ. Просто боюсь, что ледъ скалывать заставятъ.

Благодаря неотложности задачи, работа происходила въ нѣсколько спѣшномъ порядкѣ и не смогла исчерпывать весь запасъ романсовъ. Наибольше-же популярныя изъ нихъ, въ исправленномъ видѣ представляютъ изъ себя слѣдующее:

У камина.

Ты сидишь у камина и смотришь съ тоской,
Какъ печально дрова догораютъ—
И дѣйствительно жуть отъ картины такой:
Вѣдь дрова, что ни день—дорожаютъ.
Правъ былъ Гоголь, когда свои печи топилъ
Тѣмъ что раньше казалось безцѣнно—
Онъ какъ гений тогда еще вѣрно рѣшилъ:
Будетъ повѣсть дешевле полѣна...

Пара гнѣдыхъ.

Были когда-то и вы рысаками,
Попили кровушки вы у иныхъ—
Нынче котлетами сдѣлались сами—
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ.
Нынче ѣдятъ васъ безъ всякой приправы
Тѣ, кто любовницамъ васъ нанималъ:—
Грекъ изъ Одессы, еврей изъ Варшавы,
Юный корнетъ и сѣдой генералъ.
Что-же—проводимъ и ихъ на кладбище:
Развѣ луженый желудокъ у нихъ?
Слався—прекрасная тонкая пища—
Пара гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ...

Нашъ уголокъ.

Дышала ночь восторгомъ сладострастья,
Неясныхъ думъ и трепета полна.]]
Я васъ ждала, съ такимъ запасомъ счастья,
Я васъ ждала, голодная одна.
Да, знала я—у васъ одни остатки,

Но вы—герой, вы выше всей толпы,
Вы общали мнѣ отдать свой фунтъ крупчатки
И хоть немного гречневой крупы.
Въ нашъ уголокъ я притащила столикъ...
Спускалась ночь и грабили вдали...
Я вся ушла въ тоску кишечныхъ коликъ,
Я такъ ждала... А вы—вы не несли.
Мой будуаръ дышалъ такой истомой...
Когда пришла предутренняя мгла,
Я въ пять утра поѣла хлѣбъ съ соломой
И, какъ вчера, голодная легла,
Любовь прошла. Мечтѣ моей невинной
Я навсегда скажу теперь—прости!
Какъ можно быть такой пустой скотиной:
Разъ общавъ—и вдругъ не принести!

Л. Арвадскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Русское радио.

Пока налаживается аэро-почта, газетами приходится довольствоваться такими источниками злободневныхъ свѣдѣній:

ЖЕНЕВА, 28 марта (ПТА). Изъ Парижа сообщаютъ, что на Украинѣ, произошли крупныя беспорядки.

Слѣдующая телеграмма изъ Рязани, или Кіева должна быть помѣщена въ столичныхъ газетахъ въ такомъ видѣ:

„Вальпарайзо. Прибывшая сюда партія эмигрантовъ-чеховъ, увѣряетъ, что въ пути ею былъ встрѣченъ одинъ рязанецъ, который передалъ, что въ Рязани былъ большой пожаръ“.

Такое полученіе свѣдѣній объ Украинѣ черезъ Женеву, напоминаетъ почесываніе лѣваго уха правой рукой черезъ голову.

— Кто это сейчас сидит у твоего мужа?

— Какой-то безработный: он просит дать ему место—или главнокомандующего каким нибудь фронтом или вообще какой нибудь слесарной работы.

Вокальные развлечения.

О некоторых певцах не скажешь: хорошо поешь—гдѣ-то сядешь. Зара: же уже известно.

Такъ въ Уфѣ 19 марта, въ революціонномъ трибуналѣ, при разборѣ дѣла врача Захаровой, осужденной за отказъ отъ поѣдки на вскрытіе на недѣлю ареста, врачъ и публика въ видѣ протеста заплѣли. Всѣхъ оштрафовали по 50 р. и до уплаты отправили въ тюрьму. (Уф. В.).

Повидимому хорвое пѣнье въ провинціи не пользуется тарой любовью, хотя оплачивается довольно недурно. Интересно, сколько-бы это стоило одной подсудимой, если-бы она спѣла solo.

Буржуазное развлечение.

Если стало невозможно дорсіо жить, то и экономно умереть очень трудно. Неопытному покойнику приходится здорово повертѣться, прежде чѣмъ покончить всѣ счета съ жизнью. „Петрогр. Голосъ“ увѣряетъ, что

У насъ на этихъ дняхъ было отмѣчено, что самый простой, некрашенный сосновый гробъ стоитъ теперь 70 руб.; увы, цифра эта не совсѣмъ точна: сосновый гробъ изъ полудюймовыхъ досокъ стоитъ не 70 рублей, а по крайней мѣрѣ 120! За дубовый деруть теперь не меньше 700 рублей.

Да, ужъ теперь въ красномъ деревѣ не похоронишься... Засаботировали-бы покойники, что-ли...

Крутая мѣра.

Толстовское непротивленіе злу, несмотря на пассивность этого ученія, даже въ наше жестокое время нашло вѣрныхъ послѣдователей:

Особое совѣщаніе при комиссаріатѣ внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ организовать въ Петроградѣ сторожевую охрану на отдѣльныхъ постахъ. Каждый сторожъ будетъ снабженъ свисткомъ. Оружіе сторожамъ выдаваться не будетъ.

Приходится надѣяться, что грабители почувствуютъ себя оперными тенорами и послѣ свистковъ сейчасъ-же конфузливо стануть удаляться.

Грядущій ужасъ.

„Правда“ рассказываетъ, со словъ своего провинціального корреспондента:

Недавно мнѣ пришлось быть на рынкѣ въ Кочердынской слободѣ Челябинскаго уѣзда Оренбургской губ. Пришелъ на площадь, гдѣ въ прежнія времена крестьяне торговали скотомъ.

На площади стоялъ всего-на-всего одинъ торговецъ, который продавалъ 3-годовалыхъ телятъ. Я подошелъ и спросилъ цѣну.

— Тысяча двѣсти рублей.

Сколько-же будетъ стоить такой теленокъ, когда ему исполнится лѣтъ восемьдесятъ? По крайней мѣрѣ тысяча триста...

Импортъ.

Какъ сообщаютъ газеты, въ числѣ перваго груза, вывезеннаго нѣмцами изъ Украины, были

3 вагона крупъ,—1 съ масломъ, одинъ съ яйцами. 2— съ автомобильными шинами и 15 вагоновъ, груженыхъ пустыми мѣшками.

Думается намъ, что еще довольно долгое время импортъ російскій будетъ преимущественно изъ этихъ вагоновъ съ пустыми мѣшками...

Строительная лихорадка.

Допрыгались ресѣятишки:

Газеты сообщаютъ: „Въ Тифлисѣ на главной улицѣ для устраниенія жителей воздвигнута висѣлица“.

Нѣтъ, въ Россіи теперь не только разрушаютъ... Въ Россіи и строятъ.

Русское наёмное.

Послѣ висѣлицы, порка — вы сами понимаете — какъ манчая каша послѣ кайенскаго перцу:

Телеграмма изъ Казани:

„По постановленію Елабужскаго революціоннаго трибунала два красногвардейца, уличенные въ кражѣ двухъ паръ часовъ, подвергнуты публичному наказанію розгами. Экзекуція произведена на базарной площади“. („Власть Народа“).

Какъ на этотъ революціонный актъ смотрятъ г. г. народные комиссары?

Вы помните въ „Бурсѣ“ Помяловскаго:

Сѣку, сѣку—три;
Высѣку— три...
Приѣхали комиссары,
Много писемъ написали—
Всего двадцать три.

Эти бурсацкіе стихи казались безсмыслицей... Анъ нѣтъ!

Улита.

У «Дня» появилась странная, болѣзненная по нынѣшнимъ временамъ жажда: правосудія жаждетъ газета.

Статья по этому поводу носитъ меланхолическое, хватающее за душу заглавіе:

— «Улита и не ѣдетъ».

Вотъ уже три мѣсяца прошло послѣ омерзительнаго самосуда надъ А. И. Шингаревымъ и Ф. Ф. Кокшкенинымъ, а донинѣ дѣло не только не поставлено на судъ но и не разслѣдовано въ его полномъ объемѣ; убійцы, хотя имена ихъ извѣстны, не только не арестованы, но и не опрошены.

Вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ у амбаровъ Александровской лавры совершилась преступная казнь шести юношей-студентовъ, и опять та же картина: дѣло не только не поставлено на судъ, но донинѣ не арестованы ни лица, разстрѣль предписавшія, ни исполнители-палачи.

Очевидно, рѣшено подвергнуть убійцъ самой страшной медленной смерти: они умрутъ отъ старости.

Переписка съ друзьями.

«Красная газета» пишетъ «Новому лучу» въ стихахъ:

Шарлатанъ ли пошелъ за мазурикомъ,
Иль мазурикъ присталъ къ шарлатану—
Разбираться я въ этомъ не стану.
Стало явнымъ, что дѣлалось тайно:
Мартовъ съ Даномъ сошлись не случайно.
Сбросьте-жъ маски, ребята почтенные?
Чьи теперь вы друзья несомнѣнные?
Повторивъ черной сотни погудку,
Заплясали подъ чью теперь дудку?
Подѣлились вы чьими монетами
Съ господами-кадетами?
Иль у васъ есть свои „господа“—иностранцы,
Какъ у стана Черновскаго американцы?
Сколько взялъ съ богачей меньшевистскій Гуда
За обманъ и продажу рабочаго люда!

Стишки ничего себѣ. Глупые стишки.

«Новый лучъ» отвѣчаетъ «Красной газетѣ» презрѣнной прозой:

Издаваясь не въ украденной типографіи и не на реквизированной бумагѣ, какъ газеты г.г. Зиновьевыхъ, не получая отъ „казны“ субсидій, какъ получила на дняхъ партія г-на Козловскаго (польск. с.-д.) на изданіе своей газеты, „Новый Лучъ“, несмотря на указанная старанія друзей г-на Зиновьева, все еще выходитъ, благодаря поддержкѣ партійныхъ организацій и сборамъ среди рабочихъ.

«Издается не въ украденной типографіи»—хлестко сказано.

Тутъ бы даже самъ глупый чеховскій Апломбовъ понялъ:
— Это намекъ, намекъ.

А тѣ ничего. Проглотили и даже усмѣхнулись.

Кольберы.

Ой, тонкія штучки занимаютъ россійскими финансами:
Въ сов. нар. комиссаровъ разсматривался проектъ единовременнаго имущественнаго налога.

СЛУЧАЙНЫЙ РИСУНОКЪ.

Рис. К. Грузалъ

Этотъ рисунокъ попалъ въ номеръ совершенно случайно, благодаря разсѣянности метранпажа. Редакція очень извиняется и проситъ не проводить никакихъ историческихъ параллелей.

Лица, имѣющія акціи, паи или облигаціи на сумму свыше 10,000 руб., обязаны внести налогъ въ 20 проц. съ суммы номинальной стоимости указанныхъ цѣнныхъ бумагъ не превышающихъ 10,000 руб. и не достигающей 100,000 руб., и 40 проц. — суммы, превышающей 100,000 руб.

Проектъ этотъ былъ внесенъ Богольповымъ.

Значитъ такъ: съ одной стороны акціи и облигаціи объявлены недействительными а съ другой стороны: „налогъ-то на нихъ, буржуй проклятый, подай“.

Это все равно, что зарѣзать у мужа жену, да еще съ него же содрать за ея похороны по первому разряду.

Памятка въ архивъ революціи.

«Письмо въ редакцію» одесскихъ газетъ:

Къ товарищамъ ворами и налетчикамъ!

Въ субботу, 23 февраля въ залъ Гарнизоннаго собранія, мы безработные артисты при союзѣ безработныхъ трудовой интеллигенціи, устраиваемъ спектакль-кабаре. Не имѣя возможности угрожать вамъ репрессіями, но желая представить гражданамъ безопасное посѣщеніе нашего спектакля, взываемъ къ вашей чести и просимъ принять мѣры дабы эта ночь прошла безъ эксцессовъ.

Группа безработныхъ артистовъ.

Наконецъ, хоть въ одной области нашей проклятой жизни наладилась нормальная дѣловыя отношенія.

Прямой проводъ все выдержать!

И еще для «архива»

Передъ паденіемъ Минска.

Власти получена по прямому проводу слѣдующая телеграмма: „Давно всѣ изъ Минска удрали. Нѣмцы на носу“.

Веселая жизнерадостная телеграмма.

Какъ еще телеграфистъ не закатилъ ее стихами:

Вуаля, вуаля—

Вотъ и нѣмцы, тру-ля-ля!

В ъ х а л и.

Историкъ рассказываетъ, какъ большевики въ свое время брали Кіевъ.

На пассажирскомъ вокзалѣ всюду слѣды недавняго боя: на платформѣ стоятъ привязанныя лошади, зданіе вокзала испорчено; полъ покрытъ обрывками бумаги, совершенно разрушена телеграфная комната и въ ней... сгорѣвшій паровозъ.

Это „товарищи“-солдаты, недовольные медленнымъ ходомъ поѣзда смѣнили машиниста, поставивъ на его мѣсто своего сапера. Тотъ развилъ такую скорость, что врѣзался въ тупикъ, сшибъ барьеръ, проломилъ двѣ стѣны и въѣхалъ въ телеграфную, гдѣ раздавилъ двухъ барышень, дежурившихъ у аппарата.

Стереотипная фраза, которою начинался любой старинный романъ: „поѣздъ гремя подкатилъ къ дебаркадеру“, теперь можетъ зазвучать свѣжѣе:

— Поѣздъ, проломивъ двѣ стѣны въѣхалъ прямо въ телеграфную комнату.

Новое слово въ затхломъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ.

Платформа.

Исключительно полагаясь на „Новую Жизнь“, въ виду ея защиты пролетарскихъ интересовъ, сообщаемъ такое свѣдѣніе, взятое нами изъ этой газеты:

— На дняхъ рабочіе Ижевскаго оружейнаго завода отстранили отъ управленія заводомъ весь техническій и административный персоналъ, избранный нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самими-же рабочими. Въмѣсто инженеровъ и техниковъ поставлены рабочіе. Въмѣсто лицъ изъ администраціи—комиссары-большевики. Передъ выборами комиссаровъ рабочіе спрашивали, какихъ они убѣжденій.

Кандидатъ на постъ главнаго комиссара, конторщикъ прокатной мастерской Боталовъ отвѣтилъ на это такъ:

— Моя платформа—это прибавки, прибавки и прибавки вамъ, товарищи!..

Отвѣтъ вызвалъ восторгъ рабочихъ, и они избрали Боталова почти единогласно.

Въ широкихъ кругахъ это называется: матеріалистическое пониманіе исторіи. Мы иного мнѣнія.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Семенъ Семенову.—„Если какое изъ стихотвореній и сумбурно, то не вздыхайте: сейчасъ въ головѣ такая каша...“
Какое счастье, что не намъ ее расхлебывать.

А. Н. Бо—ву.—Бо—въ запрашиваетъ довольно неопредѣленно:
— „Сообщите, какія большія вещи можно вамъ прислать?“
Рояль.

Эддъ.—Эддины стихи:

На моемъ полу въ гостинной
Вотъ (?) раскинулся медвѣдь
Весь оскаленъ мордой (?) длинной,
Но медвѣдь же мертвый вѣдь.

Мертвый-то мертвый, а попробуйте ему на ухо эти стихи прочесть... Такъ за руку тяпнуть, что свѣта не взвидите.

Всѣ четыре стихотв. съ чисто нѣмецкой аккуратностью уничтожены.

Betti.—Betti гораздо практичнѣе предыдущей воздушной Эдди:
„Гонораръ за мой рассказъ можно прислать съ мальчикомъ“.

Представьте, мы такъ и хотѣли сдѣлать. Но мальчикъ сталъ ломаться:

— А за что, говорить, я ей деньги понесу?

— За рассказъ.

— За какой? Покажите.

Показали.

— Вотъ за такой рассказъ, да деньги? Убейте меня—не понесу!

Такъ и не понесъ.

Можетъ, другой какой способъ укажете?

Человѣку съ шелкозымъ ухомъ.—Нѣтъ. Вы будете слишкомъ нарядны въ скромной толпѣ другихъ сотрудниковъ.

Авг.

Н. П. С.—Стихотвореніе очень хорошо. Непремѣнно привлечете къ третейскому суду поэта В. Курочкина, который сумѣлъ воспользоваться вашей неопытностью и успѣлъ его написать лѣтъ 30—40 тому назадъ. Несмотря на благоприятную коммерческую конъюнктуру скупкой краденнаго не занимаемся. Странные мы.

Б. Провинція.

Тула.—Синему.—Вы пишете „можетъ произойти несчастье и почта не доставитъ моихъ стиховъ“. Не думайте, что почта дѣйствуетъ съ нами заодно. На это доставила.

Рязань.—Н—ну.—Герой вашего рассказа сначала выѣзжаетъ въ старомодномъ экипажѣ, запряженномъ четверкой, черезъ пять минутъ кучеръ погоняетъ тройку, а въ концѣ вы пишете, что „пара карихъ остановилась у крыльца“. Въ провинціи, гдѣ еще питаются коровьимъ мясомъ, такая быстрая утка лошадей можетъ показаться подозрительной. Послѣ вдумчиваго разсмотрѣнія рассказа, намъ кажется, что конецъ его дописала одна изъ пропавшихъ лошадей. Если увидите ее, постарайтесь передать ей въ возможно вѣжливой формѣ, что писать „она стрѣляла всѣми глазами“—нельзя. Даже лошади.

Воронежъ.—Зайцу. У васъ довольно легкій стихъ:

Она мнѣ тутъ сказала,
И я ей тутъ сказалъ.
Она не отвѣчала
И я не отвѣчалъ.

Съ такимъ легкимъ стихомъ, у любого портного на своемъ горячемъ можно устроиться. Только вслухъ ему стиховъ не читайте. Портной тоже человѣкъ.

Вологда.—Новому Р.—Очень прошу—пишетъ Н. Р.—чтобы эти стихи прочла Тэффи“. Не выяснивъ вопроса по существу, редакція немедленно отправила стихи къ указанной вами писательницѣ, которая сейчасъ-же на нашихъ глазахъ совершила предначертанное вами. Нынѣ здоровье ея не внушаетъ опасенія, но еще нѣсколько дней тому назадъ врачи сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ.

Арк. Б.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

Печатается и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ новая книга

Аркадія Бухова.

„Разговоръ съ сосѣдомъ“.

— Цѣна 3 руб. 50 коп. —

6-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго | 2 цѣнныхъ премій (бесплатно).
журнала въ краскахъ.

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб. за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—
7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88, Тел. 59-07.

Издательство „Новый Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склата издательства на сумму не менѣе 5-ти рубъ за пересылку не платятъ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко.

Синее съ золотомъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Подходцевъ и двое другихъ

Цѣна 3 руб. 50 коп.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

О маленькихъ для большихъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Для выздоравливающихъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Сатириконцы въ Европѣ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Чудеса въ рѣшѣтѣ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Тэффи.

Неживой звѣрь.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Ничего подобнаго.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Дымъ безъ огня.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Карусель.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Аркадій Буховъ.

Чортово колесо.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Тихія непріятности.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Жуки на булавахъ.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Высылка книгъ производится по полученіи стоимости заказа.

Книжнымъ магазинамъ—скидка обычная.

1940 г.
Д. Арт № С10/30

НАГЛЯДНОЕ ОБУЧЕНИЕ.

Рис. В. Лебедева.

Нѣмецкіе эсдеки:—Мама, пусти насъ къ русскимъ. Играть хотимъ.

Германія:—Приличнымъ дѣткамъ играть съ ними нельзя, а черезъ окошко поглядѣть можете—
это васъ кое-чему научить!

~~СХ 10/30~~